

УДК 314.7:316:444

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631

РЕЛИГИОЗНОСТЬ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ КРУПНОГО ГОРОДА*

Могильчак Елена Львовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Целью исследования являлось определение степени распространенности религиозных практик среди разных категорий мигрантов, выявление религиозных групп, имеющих разные аккультурационные стратегии. В 2017 г. нами был опрошен методом стандартизированного интервью 231 иноэтничным мигрантом из стран Центральной Азии, проживающим в Екатеринбурге. С увеличением времени пребывания в Екатеринбурге как у мусульман, так и у христиан увеличивается число используемых религиозных практик. Таким образом, с увеличением продолжительности пребывания в городе у мусульман усиливается ориентация на сохранение национально-культурной идентичности, у определивших свою конфессиональную принадлежность как христианство — на включение в новую, немусульманскую культуру. На религиозную активность мигрантов влияют социально-демографические факторы. С повышением уровня образования религиозность ослабевает, а при переходе от женской к мужской гендерной группе она усиливается. На основе показателей степени идентификации с родной и русской культурой при помощи метода факторного анализа было проведено сравнение трех религиозных групп мигрантов. Среди них были выделены: 1) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам и реализующие максимальное число религиозных практик; 2) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам, но не вовлеченные ни в одну религиозную практику; 3) определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности христианство. В первой группе сильно развита установка как на включение в русскую культуру, так и на сохранение собственной национально-культурной идентичности. Во второй группе слабо развиты обе установки. В третьей группе установка на сохранение национально-культурной идентичности не развита, а установка на включение в русскую культуру развита лишь частично. Опираясь на теорию аккультурации Дж. Берри, можно говорить о предрасположенности первой группы мигрантов к интеграционной стратегии аккультурации, второй группы — к маргинальной стратегии. Стратегия третьей группы определена нами как неполная ассимиляция. Наиболее оптимальной и бесконфликтной мы считаем стратегию интеграции, которая свойственна первой группе — активно практикующим мусульманам.

Ключевые слова: мигранты, религиозные практики, аккультурация, ассимиляция, интеграция, маргинализация, культурная самоидентификация, факторный анализ.

RELIGIOUSNESS OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN A LARGE CITY

Elena L. Mogilchak

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The aim of the study was to determine the occurrence of different religious practices in different categories of migrants and to identify religious groups with different acculturation strategies. In 2017, we interviewed 231 nonethnic migrants from Central Asian countries living in Ekaterinburg with the help of the

* Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований и поддержана грантом № 19-011-00467.

standardized interview method. With an increase in the time spent in Ekaterinburg, both Muslims and Christians show increased number of religious practices used. Thus, with an increase in the duration of stay in the city, Muslims become more oriented toward the preservation of national and cultural identities, while those who have specified their religious affiliation as Christianity show orientation toward inclusion in the new non-Muslim culture. The religious activity of migrants is influenced by socio-demographic factors. With an increase in the level of education, religiosity weakens; with the transition from the female to the male gender group, it intensifies. Based on the indicators showing the degree of identification with the native and Russian culture and using the factor analysis, there was performed a comparative analysis of three religious groups of migrants: 1) those who have identified Islam as their religious affiliation and do the maximum number of religious practices; 2) those who have identified Islam as their religious affiliation but are not involved in any religious practice; 3) those who have specified Christianity as their religious affiliation. In the first group, both the orientation toward inclusion in Russian culture and the preservation of national-cultural identity are highly developed. In the second group, both tendencies are poorly manifested. In the third group, the tendency toward the preservation of national-cultural identity is undeveloped, while the tendency toward inclusion in Russian culture is developed only in some indicators. Relying on the theory of acculturation by J. Berry, we can talk about the predisposition of the first group of migrants to the integration strategy of acculturation, while the second group is predisposed to the marginal strategy. We defined the strategy of the third group as incomplete assimilation. We consider the integration strategy which is peculiar to group 1 (actively practicing Muslims) to be the most optimal and conflict-free strategy.

Keywords: migrants, religious practices, acculturation, assimilation, integration, marginalization, cultural self-identification, factor analysis.

Введение

Ежегодно в Свердловскую область прибывает около двух тысяч мигрантов из Центральной Азии: Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении. Проблема адаптации приезжих к новым условиям жизни имеет не только социально-экономический, но и социокультурный аспект: выходцы из Центральной Азии представляют собой одновременно этническое и религиозное меньшинство. По данным репрезентативного исследования жителей Екатеринбурга, проведенного нами в 2017 г., доля определивших свою конфессиональную принадлежность как ислам составила всего 3%. При этом основную часть мусульман составляют коренные жители Урала — татары и башкиры, что указывает на возможность появления проблем взаимодействия с мигрантами в однородной конфессиональной, но «чуждой» этнической среде.

Религиозность измерялась нами через показатели конфессиональной принадлежности и религиозных практик. В задачи исследования входило определение степени распространенности религиозных практик среди разных категорий мигрантов, выявление религиозных групп, имеющих разные аккультурационные стратегии.

Результаты эмпирических исследований религиозного поведения мигрантов в России

В исследованиях ряда авторов изучаются условия, способствующие воспроизводству и развитию религиозности после переезда мигрантов, влияние религии на их адаптацию к новым условиям жизни, степень распространенности религиозных практик [Massey D.S., Higgins M.E., 2011]. Исследование этой проблематики актуально и для России. В некоторых литературных источниках на основе эмпирических исследований показывается, что обращение к религиозным практикам является реакцией на неблагоприятные условия, сложившиеся для мигрантов в России. Так, указывается на наличие двух противоположных тенденций: роста числа агностиков, атеистов и новообращенных в другие религии, с одной стороны, и увеличение доли мусульман и религиозных активистов, строго практикующих ислам, — с другой [Olimova S., Olimov M., 2018]. Отчуждение мигрантов от окружающего общества и их неприятие местным населением может способствовать развитию у них консервативной религиозности, которая выражается в подчеркнутом следовании религиозной ритуальности [Павлова О.С., 2015]. Изоляция мешает мигрантам взаимодействовать с теми, кого они считают

отличными от них. Социальные сети, основанные общности религии, этнической принадлежности и родства, воспринимаются как безопасное пространство для жизни в российском обществе [Tugaeva R., 2019]. Выраженная мусульманская религиозная идентичность не способствует социокультурной адаптации мигрантов из Средней Азии [Галяпина В.Н., Хожи-ев Ж. Ж., 2017, с. 18].

Некоторые авторы останавливаются на общих характеристиках религиозного поведения выходцев из Центральной Азии и других стран бывшего СССР, которые имеют нейтральный характер и касаются описания реальных религиозных практик.

Отмечено, что в большинстве стран бывшего СССР доля мусульман, которые соблюдают основные религиозные предписания (например, постятся в течение месяца Рамадан), меньше, чем в других странах мира [Куперман А. и др., 2017]. Пребывание в России также накладывает на религиозную культуру мигрантов свои особенности [Батенева Е.В., 2012]. По данным А.Н. Старостина, лишь четверть опрошенных мигрантов являлись практикующими мусульманами у себя на родине, еженедельно посещали религиозные службы. Еще четверть посещала мечети только во время крупных праздников, а 20 % делали это еще реже. Доля тех, кто посещает мечеть, становится заметно меньше по сравнению со страной выбытия: лишь 9 % продолжают посещать мечеть каждую неделю, 21 % посещает мечеть только во время крупных праздников [Старостин А.Н., 2016, с. 53]. Но в то же время интервью с мигрантами, особенно из Таджикистана и Узбекистана, подтверждают, что многие молодые люди стали практикующими мусульманами именно во время пребывания в России [Рош С., 2014].

Таким образом, мы видим некоторую противоречивость данных у разных авторов. Это может быть связано не только с особенностями изучаемых совокупностей в разных исследованиях, но и с неоднородностью самого сообщества мигрантов. Оно неоднородно как по социально-демографическим и культурным параметрам, так и цели приезда, желанию остаться навсегда в России, а также конфессиональной принадлежности и религиозной активности. Нашей задачей является изучение не только распространенности религиозных практик сре-

ды мигрантов, но и их зависимости от социально-демографических и конфессиональных факторов, а также влияния религиозности на параметры аккультурации мигрантов в России.

Теоретические предпосылки исследования

Религия и в доисторическом, и в цивилизованном обществе рассматривается как организованное коллективное усилие для поддержания контакта людей со сверхъестественными силами, для влияния на них и для ответа им [Малиновский Б., 2005, с. 33].

Обобщив существующие в литературе представления и теории, объясняющие воспроизводство религиозности у мигрантов, можно объединить их в следующие группы:

– *«теория мировоззрения»*. Главным фактором является уровень образования: чем более образованны люди, тем менее религиозными они становятся;

– *теория социального капитала*. Религия предоставляет мигрантам ресурсы, уважение и убежище (психологическую помощь) для плавной адаптации в новом обществе;

– *теория дискриминации*. Осознание дискриминации может побудить мусульман использовать свою веру в преодолении стресса, вызванного дискриминационным опытом;

– *теория ненадежности* основана на гипотезе о том, что чем неувереннее чувствуют себя люди, тем более религиозными они будут. Потребность в религиозных убеждениях возрастает, когда человек не может предвидеть свое будущее, что вызывает у него чувство тревоги.

Религиозные верования предоставляют людям предсказуемые правила, чтобы помочь им справиться с опасностями [Eraliev S., 2018, p. 139].

К теориям вхождения в новую культуру относится теория аккультурации Дж. Берри. Согласно данной теории процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными вопросами, на которые отвечает мигрант: поддерживать ли собственную культуру в новой среде (насколько сохранять культурную идентичность) и участвовать ли в межкультурных контактах (насколько включаться в новую культуру)? [Ефремова М.В., Лепшокова З.Х., 2014, с. 36].

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре

основных стратегии аккультурации мигрантов: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором мигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. При сепарации представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Интеграция характеризуется идентификацией как с родной, так и с чужой культурой. Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом аккультурации становится этнокультурная маргинализация.

Мы использовали теорию Дж. Берри для выявления предрасположенности к использованию определенных стратегий аккультурации мигрантов, различающихся по конфессиональной принадлежности и религиозной активности. Таким образом, стратегии аккультурации рассматривались как характеристики статистических совокупностей, а не личностей. Поэтому для анализа привлекались интегральные общегрупповые показатели (например, проценты и средние), характер сочетания которых в группе рассматривался как критерий определения преобладающей стратегии аккультурации.

Методы исследования

В 2017 г. в ходе исследования под руководством И.Б. Бритвиной методом стандартизированного интервью были опрошены иноэтничные мигранты из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), не имеющие российского гражданства и проживающие в Екатеринбурге (N = 231).

Тип выборки: целевая. В выборочную совокупность были отобраны выходцы из пяти указанных выше стран в равных пропорциях. Нами исследовались три основные религиозные практики: посещение мечети, молитвы, участие в религиозных праздниках. Мы согласны с авторами, которые считают, что участие в различных религиозных практиках с разной долей вероятности свидетельствует о религиозной вере. Исполнение обрядов, имеющих религиозное происхождение, может быть следствием не ре-

лигиозной веры, а закрепленной в обществе культурной традиции [Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г., 2010, с. 379].

Для сравнения групп с разным числом религиозных практик и разной конфессиональной принадлежностью были применены индикаторы аккультурационных установок. Среди них выделяется готовность кардинально изменить свою культуру, согласие выполнять требования к поведению мигрантов, оценка личностных качеств жителей Екатеринбурга, оценка значимости русской культуры в жизни общества, получение информации о жизни в России у местных жителей и представителей собственной нации, наличие друзей и коллег среди русских. На основе перечисленных параметров был осуществлен факторный анализ. Выделение факторов производилось методом главных компонент, ротация — методом Varimax; процент объясненной дисперсии составил 52 %. При помощи факторного анализа были выделены три латентные переменные, значения которых использовались для межгруппового сравнения и определения аккультурационных стратегий религиозных групп.

Результаты исследования

Религиозные практики мы рассматриваем в качестве поведенческого проявления религиозности. Религиозность является компонентом культуры личности, культурным капиталом, который может выступать в инкорпорированном состоянии, т.е. «в форме длительных диспозиций ума и тела» [Бурдые П., 2002, с. 60]. Результаты исследования показали, что регулярно молятся всего около 39 % мигрантов-мусульман, 30,3% регулярно бывают в мечети, 60 % отмечают главные религиозные праздники. Нужно особо отметить, что около 30 % респондентов вообще не участвуют в религиозных практиках. Распространенность религиозных среди практик мусульман-мигрантов несущественно отличается от значений данных показателей среди местных жителей-православных. Эти факты объясняются низким уровнем религиозности населения Советского Союза, выходцами из которого являются жители России и государств Центральной Азии.

С увеличением продолжительности пребывания в Екатеринбурге растет число используемых мигрантами религиозных практик. Это

касается не только тех, кто указал в качестве конфессиональной принадлежности ислам, но и тех, кто отнес себя к христианам. Прежде всего, нужно отметить возрастание институциональной религиозности у мигрантов, проживших в городе более трех лет. В этой категории опрошенных, помимо самой высокой религиозной активности, значительно выше доля привыкших к жизни в городе и желающих навсегда переехать в Екатеринбург. Полученные данные свидетельствуют о том, что процесс адаптации к условиям жизни в городе связан с религиозными практиками. С увеличением времени пребывания в Екатеринбурге у мусульман происходит усиление ориентации на сохранение национально-культурной идентичности с помощью участия в религиозных исламских практиках. У указавших свою конфессиональную принадлежность как христианство усиливается ориентация на включение в новую, немусульманскую культуру.

Социально-демографические факторы религиозности мигрантов

Активно практикующие верующие-мусульмане отличаются от не включенных в религиозные

практики по социально-демографическому составу. Среди первых ниже уровень образования, меньше молодежи. Наиболее часто встречающаяся демографическая группа — мужчины со средним общим образованием. В исламе дается предписание не запрещать женщинам посещать мечети, но учитывать, что молиться лучше дома [Мирзамагомедова И., 2013]. Данные нашего исследования показывают, что среди женщин реже, чем среди мужчин, встречаются регулярно молящиеся, участвующие в религиозных праздниках, регулярно посещающие мечеть. Здесь почти в два раза выше доля тех, кто не использует ни одной из перечисленных форм религиозной активности (см. табл. 1).

Имеющие высшее и неоконченное высшее образование мусульмане реже молятся и отмечают религиозные праздники, в данной группе выше процент вообще не участвующих в религиозных практиках. Это подтверждает теорию мировоззрения, объясняющую воспроизводство религиозности у мигрантов: чем более образованны люди, тем менее религиозными они становятся.

Таблица 1. Распределение мужчин и женщин-мусульман по характеру религиозных практик (% от числа опрошенных)

	<i>В целом по выборочной совокупности</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Регулярно молится	38,8	43,9	26,0
Регулярно бывает в мечети	30,3	35,1	18,0
Отмечает главные религиозные праздники	60,0	63,2	52,0
Не вовлечен в религиозные практики	29,7	24,6	42,0

На основе конфессиональной принадлежности и включенности в религиозные практики нами были проанализированы три группы мигрантов из Центральной Азии:

– определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности ислам и участвующие в максимальном числе религиозных практик: регулярно молятся, регулярно бывают в мечети, отмечают главные религиозные праздники (активно практикующие мусульмане);

– определившие свою конфессиональную принадлежность как ислам, но не вовлеченные ни в одну религиозную практику;

– определившие в качестве своей конфессиональной принадлежности христианство.

Средствами межгруппового сравнительного анализа выступали показатели идентификации мигрантов с русской культурой и культурой своего народа.

Принятие христианства рассматривалось нами как показатель отрицания национальной культуры, а активно практикующие мусульмане выступали как носители высокой степени идентификации с родной культурой.

Охарактеризуем каждую из трех указанных выше групп по параметрам идентификации с родной и с русской культурой.

1. Активно практикующие мусульмане

Идентификация практикующих мусульман с родной культурой проявляется в том, что верующие с максимальным числом религиозных практик не только проявляют высокую религиозную активность, но и чаще интересуются литературой на национальном языке и историей собственного народа, а также рецептами национальных блюд. Это свидетельствует об их идентификации с родной культурой. Однако данный факт не говорит о большем проявлении национализма среди данной группы мигрантов. Так, верующие с максимальным числом религиозных практик менее склонны к национальным предубеждениям: среди них выше число указывающих, что нет таких национальностей, которые вызывали бы у них неприязнь.

Прибегающие к религиозным практикам чаще, чем исключенные из них, имеют родственников, соседей, а также коллег среди местного населения (см. табл. 2). Это говорит об *идентификации с новой, русской культурой*. Особо нужно отметить, что представители данной религиозной группы чаще имеют в своем сознании положительный образ русского человека, считают, что русская культура должна занимать ведущее место в России.

Респонденты, входящие в описываемую категорию, соглашались с более высоким числом требований к мигрантам. Прежде всего, это требование не отличаться от жителей Екатеринбурга внешне по стилю одежды, соблюдать культурные нормы, принятые в России: нормы общения, поведения, отношения к женщинам. Представители данной группы также считают, что нужно стараться селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими. Они в большей степени ориентированы на *адаптацию к российским условиям*, что отчасти подтверждается более высоким сроком проживания в Екатеринбурге.

Анализируемая группа получает информацию о России и Екатеринбурге как от представителей своей национальности, так и от русских. Нужно отметить, что в данной группе чаще встречаются респонденты, получающих сведения *одновременно от представителей своей национальности и от русских* (см. табл. 2). Это указывает на то, что ресурсы, связанные с отношениями знакомства, и социальный капитал

формируются на основе религиозной деятельности при условии одновременного выполнения ею двух функций: воспроизводства национальной культуры и формирования лояльного доброжелательного отношения к представителям другой культуры. Данный факт свидетельствует о том, что в анализируемой группе формируется *ориентация на идентификацию с обеими культурами одновременно: с собственной национальной и русской культурой*.

В целом коммуникация у практикующих верующих более развита: здесь выше число групп общения и используемых источников информации о России. Это свидетельствует о predisposedности религиозных людей к налаживанию социальных контактов, обладанию более развитым социальным капиталом, что подтверждается исследованиями европейских ученых. Так, в странах Европы принадлежность к религиозным группам наиболее тесно коррелирует с гражданской активностью. Религиозные люди стремятся к «просоциальному» поведению и способствуют консолидации группы [Перепелкин Л.С., Стэльмах В.Г., 2010, с. 379].

2. Мигранты-мусульмане, не включенные в религиозные практики

Нужно обратить внимание на более низкий уровень идентификации с родной культурой входящих в указанную группу респондентов: они проявляют меньший интерес к истории своего народа, среди них менее распространено посещение уличных праздников и умение готовить национальные блюда. Самый существенный показатель низкого уровня идентификации — полное отсутствие религиозных мусульманских практик.

В данной группе уровень идентификации с русской культурой также является низким. Это касается прежде всего неготовности кардинально изменить свою культуру для обеспечения комфортного и безопасного сосуществования с екатеринбуржцами, нежелания селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими, менее распространенного способа получения информации о России — у русских (см. табл. 2). Таким образом, данная группа отличается низким уровнем идентификации как с собственной, так и с русской культурой.

Таблица 2. Влияние включенности в религиозные практики на адаптационные и национально-культурные установки мигрантов

	Не включенные в религиозные практики	Включенные в максимальное число религиозных практик
<i>Установки на идентификацию с русской культурой</i>		
Готов(а) кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами	4,1	28,5
Считает, что русская культура должна занимать ведущее место в обществе	25,6	41,7
Считает, что нужно соблюдать культурные нормы, принятые в России (нормы общения, поведения, отношение к женщинам и т.д.)	66,7	82,9
Считает, что нужно стараться селиться в домах, кварталах, районах вместе с русскими	25	40
Считает, что нужно стараться не отличаться от жителей Екатеринбурга внешне по стилю одежды	31,3	51,4
Общается с жителями Екатеринбурга как с друзьями	39,6	57,1
Общается с жителями Екатеринбурга по работе	70,8	85,7
Общается с жителями Екатеринбурга как с соседями	39,6	74,3
Узнает новости про русских, про Россию, через русских при встречах с ними или в социальных сетях	36,7	68,6
Считает, что многие жители Екатеринбурга ведут себя вполне культурно	20,4	42,8
<i>Установки на идентификацию с родной культурой</i>		
Умеет готовить национальные блюда	55,1	82,9
Посещает уличные праздники	6,1	28,6
Интересуется историей своего народа	22,4	60,0
Узнает новости про русских, про Россию, про Екатеринбург через приезжих своей национальности при встречах с ними либо в социальных сетях	30,6	62,9
Регулярно бывает в мечети	0	100,0
Регулярно молится	0	100,0
Отмечет главные религиозные праздники	0	100,0
<i>Комплексные установки</i>		
Узнает новости про русских, про Россию и у русских, и у своих	20,4	45,7
Не узнает новости про русских, про Россию ни у русских, ни у своих	53,1	14,3

3. Мигранты, отметившие свою конфессиональную принадлежность как христианство (православие, протестантизм, католичество)

Еще раз отметим, что принятие христианства иноэтничными мигрантами из Центральной Азии рассматривалось нами как показатель отрицания их национальной культуры.

Мигранты, обозначившие свою конфессиональную принадлежность как христианство, чаще отмечают, что полностью привыкли к жизни в Екатеринбурге, хотят остаться в России навсегда, хорошо знают российское законодательство и русский язык. Представители данной группы в 60 % случаев имеют друзей среди русского населения, информация о России чаще поступает к ним только от русских, а

не от представителей собственной национальности (см. табл. 3)

Основой указанных особенностей во многом является цель приезда в Россию данных людей. Среди них реже, чем среди мусульман, встречаются трудовые мигранты и чаще — приехавшие учиться, получать образование (чаще всего высшее). Именно поэтому здесь больше имеющих высшее и неоконченное высшее образование, хорошо знающих русский язык.

Нужно особо отметить, что идентификация с русской культурой в данной группе проявляется не в религиозных практиках, относящихся к христианству, а в освоении умений, которые могут пригодиться в светской жизни. Так, здесь реже, чем в группе мусульман, регулярно молятся и отмечают религиозные праздники. Обращается к христианским молитвам лишь каж-

дый шестнадцатый опрошенный (см. табл. 3).
Говорить об идентификации с русской культу-

рой данной категории опрошенных можно, од-
нако она не является полной.

Таблица 3. Социально-культурные характеристики мигрантов из Центральной Азии, принадлежащих к христианским конфессиям, в сравнении с придерживающимися Ислама (% от числа опрошенных)

	Конфессиональная принадлежность — ислам	Конфессиональная принадлежность — христианство
<i>Установки на идентификацию с национальной культурой</i>		
Регулярно молится в соответствии с обычаями ислама	38,8	0,0
Регулярно посещает мечеть	30,3	0,0
Отмечает главные мусульманские праздники	60,0	0,0
<i>Установки на идентификацию с русской культурой</i>		
Регулярно молится в соответствии с обычаями христианства	0,0	6,3
Отмечает главные христианские праздники	0,0	35,9
Хочет остаться в России навсегда	42,7	59,4
Полностью привык к жизни в Екатеринбурге	30,0	50,0
Получает информацию о России только у русских	19,4	39,1
Хорошо знает и российское законодательство, и русский язык	26,7	46,9
Может не только общаться, но и читать, писать на русском языке	37,6	67,2
Есть друзья среди русских	34,1	59,4
<i>Социально-экономические характеристики</i>		
Цель приезда — учеба	19,8	43,8
Цель приезда — работа	70,4	45,3
Есть высшее или неоконченное высшее образование	18,9	51,6

Стратегии аккультурации в религиозных группах

В целях более обоснованного определения аккультурационной специфики выделенных культурно-религиозных категорий с помощью факторного анализа мы выявили три латентные многомерные переменные. Их числовые значения были использованы для сравнения указанных групп.

Результаты факторного анализа, представленные в табл. 4, указывают, что фактор № 1 соответствует латентной установке на включение в русскую культуру на ценностном уровне, фактор № 2 — установке на включение в русскую культуру на уровне знаний и умений, № 3 — установке на сохранение национально-культурной идентичности. Жирным шрифтом в таблице выделены самые высокие факторные нагрузки, которые соответствуют параметрам, в совокупности представляющим «лицо» фактора как латентной многомерной переменной.

Напомним, что интеграция как стратегия аккультурации характеризуется идентификацией и с родной, и с чужой культурой. Если большая часть мигрантов не идентифицирует себя ни с

культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом аккультурации становится этнокультурная маргинализация.

Как видно из табл. 5, у активно практикующих мусульман (группа 1) сильно развита как установка на включение в русскую культуру (фактор 1), так и на сохранение национально-культурной идентичности (фактор 3). У мусульман с отсутствием религиозных практик (группа 2) слабо развита как первая, так и вторая установка. Можно говорить о предрасположенности первой группы мигрантов к *интеграционной стратегии* аккультурации, второй группы — к *маргинальной стратегии*.

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором мигрант отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. Напомним, что отрицание ислама принявшими христианство указывает на отрицание национальной культуры и поэтому является одним из показателей стратегии ассимиляции.

Таблица 4. Матрица факторных нагрузок

	<i>Фактор 1</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на ценностном уровне</i>	<i>Фактор 2</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на уровне знаний и умений</i>	<i>Фактор 3</i> <i>Установка на сохранение</i> <i>национально-культурной</i> <i>идентичности</i>
Число требований к мигрантам, с которыми согласен	0,610	0,003	0,231
Готовность изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование с екатеринбуржцами	0,588	0,127	0,006
Оценка значимости российской культуры	0,598	0,0004	0,001
Оценка уровня знания российских законов	0,127	0,711	0,006
Степень выраженности позитивной оценки качеств жителей Екатеринбурга	0,595	0,147	0,155
Оценка уровня владения русским языком	0,109	0,730	0,005
Наличие друзей среди местного населения	0,230	0,716	0,004
Частота получения информации от представителей своей национальности	0,161	0,003	0,797
Число используемых национально-культурных практик	0,274	0,003	0,744

Таблица 5. Факторные значения установок мигрантов на национально-культурную идентификацию

<i>№</i> <i>гр.</i>	<i>Религиозная группа</i>	<i>Фактор 1</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на ценностном уровне</i>	<i>Фактор 2</i> <i>Установка на включение</i> <i>в русскую культуру</i> <i>на уровне знаний и умений</i>	<i>Фактор 3</i> <i>Установка на сохранение</i> <i>национально-культурной</i> <i>идентичности</i>
1	Активно практикующие мусульмане	2,80	2,69	3,14
2	Мусульмане с отсутствием религиозных практик	2,22	2,60	2,09
3	Христиане	2,37	2,87	2,23

Стратегия определивших свою конфессиональную принадлежность как христианство является неоднозначной, ее можно определить как неполная ассимиляция. Включенность в русскую культуру наиболее сильно проявляется в знании русского языка и российских законов, а не в осознании ценности русской культуры. Принятие христианства на поведенческом уровне является крайне слабым (см. табл. 3)

Подведем итоги. Мы получили три категории мигрантов: 1) активно практикующие мусульмане, характеризующиеся стратегией интеграции; 2) мусульмане с отсутствием религиозных практик (маргинальная стратегия аккуль-

турации); 3) мигранты, определившие свою конфессиональную принадлежность как христианство (неполная ассимиляция). Указанные группы имеют примерно равную численность.

Наиболее оптимальной и неконфликтной мы считаем аккультурационную стратегию интеграции, которая свойственна активно практикующим мусульманам. Она позволяет мигрантам интегрироваться в принимающее сообщество, сохранив черты национальной культуры при лояльном отношении к представителям русской культуры.

Заключение

Нами был зафиксирован достаточно низкий уровень распространенности религиозных практик среди мигрантов. Обнаружено несоответствие заявляемой конфессиональной принадлежности и реальной достаточно слабой религиозной активности. Среди трех выделенных нами религиозных групп исключение составляют мигранты-мусульмане с максимальным числом религиозных практик. Их высокая религиозность сочетается с более низким уровнем образования и с более развитой коммуникативной активностью как в отношении приезжих собственной национальности, так и местного населения, а также большей длительностью проживания в городе.

В целом, исходя из выборочной совокупности, можно сделать вывод, что с увеличением продолжительности пребывания в Екатеринбурге растет число используемых религиозных практик. Среди опрошенных, проживших в городе более трех лет, чаще встречаются люди с высокой религиозной активностью, а также мигранты, привыкшие к жизни в городе и желающие навсегда переехать в Екатеринбург. Полученные данные свидетельствуют о том, что адаптация к условиям жизни в городе и религиозные практики положительно связаны друг с другом. Можно прогнозировать увеличение религиозной активности при возрастании числа мигрантов, проживающих в городе на постоянной основе. В этом случае интеграция как аккультурационная стратегия станет более распространенной, чем маргинализация и ассимиляция.

Список литературы

Батенева Е.В. Проблемы культурной адаптации экономических мигрантов из стран Центральной Азии в столичном регионе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6(50). С. 97–100.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 05.06.2019).

Галатина В.Н., Хожиев Ж.Ж. Роль идентичности, этнических стереотипов и стратегий аккультурации в адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130402>

Ефремова М.В., Лепшикова З.Х. Религиозность и стратегии аккультурации мигрантов и принимающего населения // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 4(33). С. 35–46.

Куперман А. и др. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе / Pew Research Center. 2017. 51 с. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2005. 184 с.

Мирзамагомедова И. Мусульманка посещает Дом Аллаха // Islam.ru: исламский информационный портал. 2013. 17 июн. URL: <http://islam.ru/content/obshestvo/41399> (дата обращения: 26.06.2019).

Павлова О.С. Психология религии в исламской парадигме: состояние и перспективы развития // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11, № 4. С. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222>

Пережелкин Л.С., Стэльмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории: науч. альманах. Т. IV: Человек в поисках идентичности. М.: Изд-во Независимого ин-та гражд. общ-ва, 2010. С. 373–395.

Рош С. Роль ислама в жизни центрально-азиатских мигрантов в Москве. CERIA: Аналитический обзор № 2, октябрь 2014 / Central Asia Program. 2014. Oct. 20. URL: <https://centralasiaprogram.org/archives/7867> (дата обращения: 05.06.2019).

Старостин А.Н. Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии в уральском мегаполисе // Этнопанорама. 2016. № 1–2. С. 46–55.

Eraliev S. Growing Religiosity Among Central Asian Migrants in Russia // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2018. Vol. 10. P. 137–150. URL: http://japan.tsukuba.ac.jp/research/JIAJS10_ONLINE01_Eraliev.pdf (дата обращения: 05.06.2019).

Massey D.S., Higgins M.E. The Effect of Immigration on Religious Belief and Practice: A Theologizing or Alienating Experience? // Social Science Research. 2011. Vol. 40, iss. 5. P. 1371–1389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.04.012>

Olimova S., Olimov M. Religious institutions and Tajik migrant integration in Russia // DOC Research Institute. 2018. Feb 21. URL: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia> (дата обращения: 10.06.2019).

Turaeva R. Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2019. Vol. 20, iss. 2. P. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>

Получено 28.08.2019

References

- Bateneva, E.V. (2012). *Problemy kul'turnoy adaptatsii ekonomicheskikh migrantov iz stran Tsentral'noy Azii v stolichnom regione* [Problems of cultural adaptation of economic migrants from Central Asia in the capital region]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No. 6(50), pp. 97–100.
- Bourdieu, P. (2002). *Formy kapitala* [The form of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 3, no. 5, pp. 60–75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 05.06.2019).
- Cooperman, A., Saygal, N. and Shiller, A. (2017). *Religiya i natsional'naya prinadlezhnost' v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* [Religion and nationality in Central and Eastern Europe]. Pew Research Center, 51 p. Available at: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed 05.06.2019).
- Efremova, M.V. and Lepshokova, Z. Kh. (2014). *Religioznost' i strategii akkul'turatsii migrantov i primayushchego naseleniya* [Religiousness and acculturation strategies of migrants and the accepting population]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual Problems of Psychological Knowledge]. No. 4(33), pp. 35–46.
- Eraliev, S. (2018). Growing religiosity among Central Asian migrants in Russia. *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. Vol. 10, pp. 137–150. Available at: http://japan.tsukuba.ac.jp/research/JIAJS10_ONLINE01_Eraliev.pdf (accessed 05.06.2019).
- Galyapina, V.N. and Kholiev, Zh.Zh. (2017). *Rol' identichnosti, etnicheskikh stereotipov i strategiy akkul'turatsii v adaptatsii migrantov iz Sredney Azii v Moskovskom regione* [The role of identity, ethnic stereotypes and acculturation strategies in the adaptation of migrants from Central Asia in the Moscow region]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 13, no. 4, pp. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2017130402>
- Malinowski, B. (2005). *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A scientific theory of culture]. Moscow: OGI Publ., 184 p.
- Massey, D.S. and Higgins, M.E. (2011). The effect of immigration on religious belief and practice: a theologizing or alienating experience? *Social Science Research*. Vol. 40, iss. 5, pp. 1371–1389. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.04.012>
- Mirzamagomedova, I. (2013). *Musul'manka poseschaet Dom Allaha* [Muslim visits the House of Allah]. *Islam.ru: Islamskiy informatsionnyy portal* [Islam.ru: Islamic Information Portal]. Jun. 17. Available at: <http://islam.ru/content/obshchestvo/41399> (accessed 26.06.2019).
- Olimova, S. and Olimov, M. (2018). Religious institutions and Tajik migrant integration in Russia. The Dialogue of Civilizations Research Institute. *DOC Research Institute*. Feb 21. Available at: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia> (accessed 10.06.2019).
- Pavlova, O.S. (2015). *Psikhologiya religii v islamskoy paradigme: sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Psychology of religion in the islamic paradigm: the current state and prospects]. *Islam v sovremennoy mire* [Islam in the Modern World]. Vol. 11, no. 4, pp. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-207-222>
- Perepelkin, L.S. and Stelmakh, V.G. (2010). *Chelovek veruyushchiy: religiya i identichnost'* [Man is a believer: religion and identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii. T. IV: Chelovek v poiskakh identichnosti* [Issues of Social Theory. Vol. IV: Man in Search of Identity]. Moscow: Independent Institute of Civil Society Publ., pp. 373–395.
- Roche, S. (2014). *Rol' islama v zhizni tsentral'no-aziatskikh migrantov v Moskve*. *CERIA. Analiticheskii obzor No. 2* [The role of Islam in the lives of Central Asian migrants in Moscow. CERIA: Analytical Review No. 2]. Central Asia Program Series, Oct. 20. Available at: <https://centralasiaprogram.org/archives/7867> (accessed 05.06.2019).
- Starostin, A.N. (2016). *Religioznye praktiki migrantov iz Tsentral'noy Azii v ural'skom megapolise* [Religious practices of migrants from Central Asia in the Ural megalopolis]. *Etnopanorama* [Etnopanorama]. No. 1–2, pp. 46–55.
- Turaeva, R. (2018). Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow. *Asian Ethnicity*. Vol. 20, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>

Received 28.08.2019

Об авторе

Могильчак Елена Львовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры прикладной социологии
департамент политологии и социологии
Уральского гуманитарного института

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6457-233x>

About the author

Elena L. Mogilchak

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Applied Sociology,
Department of Political Science and Sociology
of Ural Humanitarian Institute

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620000, Russia;
e-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6457-233x>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Могильчак Е.Л. Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 620–631.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631

For citation:

Mogilchak E.L. [Religiousness of migrants from Central Asia in a large city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 620–631 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-620-631